
ТАТЬЯНА КАЗАКОВА
СВОЙ КРУГ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
18+

Татьяна Казакова
Свой круг

https://litres.ru/74982309
SelfPub; 2026

Аннотация

Вика ушла от мужа почти налегке, с дорожной сумкой и маминым фарфоровыми статуэтками. А всё остальное осталось там. Большой дом, охрана, машина, драгоценности. Но возвращаться к жестокому мужу она точно не собирается.

Теперь надо как-то жить дальше. Только как? Денег почти нет, профессии тоже, а влиятельный муж никогда не смирится с её побегом и начнёт преследовать. Место гувернантки с проживанием в загородном особняке оказывается очень кстати — вряд ли ему придёт в голову искать её среди прислуги.

Всё здесь до боли знакомо. Закрытая гимназия, конюшня, светские разговоры. Вика отлично знает правила «своего круга». Вот только теперь входить в него приходится с чёрной лестницы.

Очень скоро Вика понимает, что за деньги спокойствия тут не купили. Хозяйка вздрагивает от каждого звонка, кто-то роется в её вещах, а в саду по вечерам шепчутся о наследстве.

В чужие тайны она лезть не собирается. И никаких мужчин! Хороший план. Жаль только, жизнь Вику об этом не спросила.

Татьяна Казакова
Свой круг

ПРОЛОГ

… Внезапно навстречу им метнулась женская фигурка и пропала в кустах —они даже не успели разглядеть, кто это. Из конюшни послышалось ржание, Вика поспешила туда, а Ядвига в замешательстве все смотрела на кусты, гадая, кто это такая шустрая.

Вика подбежала к конюшне и удивилась — почему-то всегда светлая площадка перед воротами была в темноте, а сами ворота закрыты на засов. Куда же тогда пошли Злата с Ромой? Она была уверена, что Злата повела его смотреть нового жеребца. Ржание стало громче, и тут она почувствовала запах дыма. Еще не осознав, что случилось, Вика испугалась и стала отодвигать засов, который, как назло, не поддавался. Тогда она стала звать на помощь.

— Помогите! Злата! Рома! Вы там?!

— Что случилось?! — подбежала Ядвига. — Почему света нет?

Увидев, что Вика не справляется с засовом, она стала ей помогать и, наконец, ворота открылись, оттуда повалил густой дым.

— Боже мой! Боже мой! — кричала обезумевшая Ядвига. — Злата!

Вика храбро бросилась внутрь, но навстречу ей уже бежал Рома, который поддерживал Злату.

— Что с ней?! Златочка! Доченька! — бросилась к ней Ядвига.

— Я побежал за людьми! — крикнул Рома уже на бегу.

Злата быстро пришла в себя и только кашляла.

— Конюшня! — хрипло закричала она. — Горит!

***

Дождь все не прекращался, то налетал шквалом, то моросил монотонно, занудно стуча каплями по подоконнику.

Вика тупо смотрела в окно — в свете фонаря отражались блестящие нити дождя, а в лужах разбегались бесконечные круги… Да кончится он когда-нибудь?!

Собственно, какая разница? Что изменится? Уже ничего. Все точки поставлены. Надо встряхнуться и что-то делать, так невозможно дальше жить. Надо… надо…

Настя тоже без конца ей это повторяет, да она и сама понимает, что так продолжаться не может, но как заставить себя? После вчерашнего она не сможет здесь остаться… Уйти… Но как?! Господи! — она вздрогнула от раздавшегося звонка. Конечно, Настя.

— Ну что? — начала она, не дожидаясь ответа. — Так и сидишь? Ну сиди, сиди, может, что-нибудь и высидишь! Надо решиться в конце концов! Ну что ты молчишь? Вика! —

почти простонала она. — Ну нельзя же так! Давай решайся, пока его нет! Что он сможет сделать? Под замок посадит? Слава богу, детей нет! Да!! Слава богу!! Я знаю, что говорю! И не спорь со мной! Видишь, что ни делается, все к лучшему. — Она немного передохнула и продолжала:

— Вот что, я тут подумала — переезжай пока ко мне! Никаких возражений не принимаю! Собственно, я не одна подумала, мы с Гришкой так решили, а уж как Ксюшка обрадуется! Она же, как узнает, что ты приедешь, будет скакать от радости! Вика! Ну ответь хоть что-нибудь! Ну не молчи! Ну хоть кукукни!

И Вика неожиданно засмеялась. Это надо же — кукукни! Только Настя может такое сказать!

— Вик, — осторожно произнесла Настя, — ты что, плачешь? Смеешься? — и выдохнула: — Сволочь! Напугала! Слава богу, отошла! Да? Да, Вик?

— Да, — ответила Вика и почувствовала необыкновенное облегчение. — Настюха, как я тебя люблю!

— Ну да, — забормотала Настя и неожиданно захлюпала носом. — Черт! Все из-за тебя! Достала…

— Все, Насть, кажется, отпустило. Вот дура! Это я про себя.

— Конечно, дура, кто же сомневался? — уже спокойно ответила Настя и тут же набросилась, не давая опомниться. — Этот когда вернется?

***

Все льет и льет… Женщина закрыла дверь спальни, прислушалась и только после этого зашла в ванную. Там, в небольшой нише, стояло несколько декоративных шкатулок, она потянулась за одной. Сбоку висел маленький блестящий замочек, который открывался таким же маленьким ключом. В шкатулке в файлах лежали документы и отдельно один лист, сложенный вчетверо.

«Дорогая внучка, — читала она, — надеюсь увидеть тебя еще при жизни. Жаль, что так сложились обстоятельства. Я тебя не знаю, никогда не видела, но слежу за тобой. У меня есть фотографии твоей семьи. Очень обрадовалась, увидев свою правнучку. Красивая девочка, говорят, голос хороший. Если не случится нам встретиться, адвокаты введут тебя в курс дела. Мне жаль, что твоя мать так и не соизволила извиниться и ни разу не приехала ко мне после твоего рождения. На детей нельзя обижаться, и я просто позволила ей жить своей жизнью. Моя вторая дочь рано ушла из жизни, оставив мне внучку Марию, которую, к сожалению, я не смогла уберечь от пагубных привычек. Сначала пьянство, потом наркотики. Тяжело об этом писать, но еще тяжелее жить с таким человеком. Она постоянно куда-то исчезала, иногда ее не было несколько месяцев, потом приползала обратно. Несколько дней отмывалась, отъедалась, а потом начиналось все по новой.

Случайно в одном круизе я познакомилась с одним американцем. Мы понравились друг другу. Не буду описывать,

как развивались наши отношения, мы уже были достаточно пожилыми, но в итоге я вышла за него замуж. Перед самым замужеством Мария вернулась домой беременная. Родился мальчик Станислав. Через неделю после родов она сбежала, оставив мне ребенка. Не представляешь, как трудно мне было оформить опекунство, но в итоге все получилось.

Мы поженились и уехали в Америку, во Флориду, забрав с собой Стасика. Мой муж оказался очень богатым человеком, своих детей у него не было, и Стасик стал для него таким же родным, как и для меня. Со временем выяснилось, что Стасик не такой, как другие дети. Он аутист. Все понимает, но почти не говорит, очень замкнутый мальчик, но в то же время очень способный. Врачи говорят, что, если он будет расти в семье, будет чувствовать любовь близких, он может измениться.

Мой покойный муж составил завещание в мою пользу и в пользу Стасика.

В свою очередь я завещала половину тебе и половину Стасику.

У меня есть условие, скорее просьба. Не хочу вмешивать сюда никаких юристов и адвокатов, считаю — это дело семейное. Прошу, заботиться о Стасике как о сыне. Собственно, он будет богатым человеком и ни в чем не будет нуждаться, но ты будешь его опекуном до конца жизни. Я могу назначить опекуном любого адвоката, но хочу, чтобы он рос в семье, понимаешь, чтобы он был окружен родными людьми,

он и так обделен, пусть хоть не чувствует одиночества.

Я не знаю тебя, но чувствую, что ты все сделаешь правильно. А еще мой муж собрал коллекцию картин. Я недавно оценила, оказывается, она стоит кучу денег. Эту коллекцию я завещаю твоей дочери. Надеюсь, она подружится со Стасиком. Ты постарайся, очень тебя прошу.

Если вдруг появится Мария… Ни в коем случае не отдавай ей Стасика!!

Это все, что я хотела тебе сказать, все еще надеюсь тебя увидеть, тогда поговорим при встрече. Если этого не случится, остальное тебе расскажут нотариус и адвокаты.

Твоя бабушка»

Вот такое письмо она получила пять лет назад. Вскоре с ней связались адвокаты — бабушка уже умерла, надо было лететь в Америку.

Все в диковинку — и люди, и язык, которого она совсем не знала, и магазины, и продукты. Да что перечислять? Все! Все другое, и только лес напоминал подмосковный, те же елки и даже березы, а она была уверена, что березы растут только в России…

Вспомнила роскошный дом, адвоката и женщину, которая привела мальчика лет десяти, который лишь на минуту поднял на нее глаза и тут же опустил их, продолжая собирать кубик Рубика.

— Это Стасик, он аутист, он мало говорит и трудно сходится с людьми, но все понимает. Стасик, познакомься —

это твоя тетя. Она приехала за тобой, увезет тебя в Россию.

Мальчик больше не посмотрел на нее и, казалось, не понимал, что здесь происходит, и крутил свой кубик.

***

Настя называла Бориса исключительно «Этот» и никак по-другому, собственно, он отвечал ей взаимностью и за глаза называл иронично-презрительно «подружонка». Не позволял им встречаться, и тем более никогда не звал в гости. Вика видела подругу очень редко, встречались где-нибудь в кафе или торговых центрах.

Последнее время Борис стал совершенно невыносимым — никуда не позволял выходить без охранника, следил за каждым ее шагом.

Два дня назад Вика заикнулась о разводе, он посмотрел на нее, как на умалишенную.

— Надеюсь, ты шутишь?

— Я абсолютно серьезна. Давай разведемся, я не могу так больше.

— Что ты не можешь?! — он кричал ей в лицо. — Что?! С жиру бесишься?! Чего тебе не хватает?! Весь мир объездила! Тряпки, какие хочешь, украшений вагон! Ничего не делаешь, занимаешься только собой!

— Ты обещал, что я буду учиться, я хочу закончить консерваторию.

— Не смеши людей! Никому это не нужно! Гостей развлекать и так сгодится. — Борис развернулся, встал перед зер-

калом и поправил галстук.

Впервые Вика посмела так говорить с ним, видела, что он взбешен, но не могла остановиться.

— Я не люблю тебя! — выкрикнула, глядя на его отражение.

— Ах не любишь? — он усмехнулся, и вдруг резко развернулся и наотмашь ударил по щеке.

Вика покачнулась, схватилась за щеку и в испуге смотрела на него.

Он медленно приблизился, стиснул ее шею и зашипел в лицо:

— Чтобы я разговоров этих больше не слышал! Поняла меня?!

Неожиданно отпустил, она покачнулась и чуть не упав, схватилась за стену. Борис наклонился к ней и почти ласково произнес:

— Ну не зли меня больше.

Он развернул ее к себе и слегка встряхнул.

— Больше не будешь?

Она кивнула, боясь посмотреть на него.

— Сегодня приеду пораньше, — обычным голосом продолжал он, — скажи, чтобы приготовили что-нибудь легкое, не хочу наедаться на ночь, надо пораньше лечь — завтра улетаю в Венесуэлу.

— Надолго? — машинально спросила она.

— На неделю. — Он приблизился к ней и потянулся губа-

ми, Вика отстранилась. Тогда он схватил ее за плечи, с силой притянул и поцеловал в стиснутый рот.

— Пока прощаю, но, чтобы вечером была хорошей девочкой — я не могу пользоваться услугами других женщин, слишком брезглив. Будешь хорошей? — И, не дождавшись ответа, вышел из дома.

Вика весь день плакала, искала выход, понимая, что по-хорошему он не отпустит ее. Остается только сбежать, но как это сделать? В доме полно камер, охрана, прислуга. Недавно они встречались с Настей в торговом центре, и та незаметно передала ей новый телефон — Вика подозревала, что ее прослушивается. Она хотела позвонить Насте, но раздумала. Потом, когда решится… может быть…

Вечер был ужасный. За ужином Борис улыбался и, как обычно, рассказывал о своих делах — он любил рассказывать, вернее, ему надо было, чтобы его слушали. А Вика была хорошим слушателем, никогда не перебивала, иногда поддакивала и со всем соглашалась — попробовала бы не согласиться! Но в суть его рассказов она не вникала, ей совершенно было неинтересно, сколько можно получить от программы реновации, так ловко придуманной, не без участия ее мужа, который весьма этим гордился, где опять надо положить эту чертову плитку, какие дома будут сносить…

Вика тихо вошла в спальню, надеясь, что Борис уже спит, но он сразу же сбросил одеяло:

— Иди сюда!

— Я не могу, пожалуйста, не надо…

— Я сказал, иди сюда!!

Он грубо схватил сопротивляющуюся Вику и повалил на кровать…

Что это было?.. Кажется, ее только что изнасиловали, грубо и жестоко. Вика была в какой-то прострации. Рядом мирно спал мужчина… муж… Она смотрела на него с ненавистью — убила бы!

Быстро встала и пошла в ванную. Вода успокаивала, она всегда успокаивает, шумит и стекает вместе с мыслями….

Борис встал часа в три, кто-то ему позвонил, он раздраженно отвечал.

— Черт! Дмитрич подхватил какой-то вирус, придется Николая вызвать, чтобы отвез меня, а ты пока никуда не выходи, жди, когда он вернется!

Вика молча поставила в холл небольшой чемодан и сразу же вернулась в спальню.

Хлопнула дверь, она свободно вздохнула — уехал. Села к окну и задумалась…

Настя не давала опомниться.

— Все! Собирайся! Два часа тебе хватит? Охранник на месте?

— Подожди, — сразу растерялась Вика, — нельзя же так сразу, надо хоть подумать… Николай еще не вернулся, он повез Бориса в аэропорт вместо Дмитрича, но должен скоро приехать.

— Так это то, что нужно! А остальные?

— Лида отпросилась к врачу, придет часам к одиннадцати, а повариху я отпустила на сегодня.

— Класс! Все отлично! Давай собирайся! Я выезжаю!

— Подожди! Надо подумать!

— Нечего тут думать! — отрезала Настя. — Все!

Вика растерянно посмотрела вокруг… Собираться… вещи собрать… Что взять? Взгляд наткнулся на статуэтки. Мамины… Надо взять… Господи! Да какие статуэтки? Быстрее собрать вещи. Взять только необходимое…

Она достала дорожную сумку, вытащила из шкафа два платья, две юбки и пару джинсов. Так, еще свитера надо, майки…

Сумка была уже полностью заполнена, Вика взяла бы еще и куртки, сапоги и шубу…

Она вспомнила, как Борис подарил первую шубу. Вика обрадовалась — он не очень баловал ее подарками, стала благодарить, а он тут же заметил, что бывшая подруга, когда он ей подарил шубу в три раза дороже, даже спасибо не сказала, а только фыркнула недовольно.

Почему-то после этих слов радость от подарка исчезла. Она вспомнила, что он всегда упоминал бывшую подругу, например, когда делал скромный заказ в маленьком испанском кафе, говорил, что с бывшей они посещали только дорогие рестораны и заказывали самые изысканные блюда, а на Новый год, подарив Вике украшение за три тысячи евро, тут

же вспомнил, что бывшей дарил за пять тысяч, а она в ответ только презрительно скривилась. Вику коробило от этих признаний — неужели он не понимал, что это бестактно. Но, видимо, не понимал. Впрочем, откуда?

***

Борис рос в небольшом городке где-то в Сибири. Их у матери было трое — он и две сестры, отца не было. Очень нуждались, говорил, что даже наесться досыта никак не мог. Учился хорошо, очень хорошо рисовал и после окончания школы решил уехать в столицу. Поступил в архитектурный институт, жил в общежитии. С завистью смотрел на посылки, которые другие студенты получали из дома. Ему не присылали ничего. Борис подрабатывал тем, что делал для других чертежи — он очень хорошо чертил. К деньгам относился бережно, никогда не покупал «просто так», всегда взвешивал и рассчитывал очень скрупулезно.

Два парня, с кем он жил в комнате, относились к нему хорошо, делились продуктами, которые получали из дома, звали с собой в кино, на вечеринки, но он всегда отказывался, экономил, кстати, и им чертил за деньги, разумно полагая, что труд должен оплачиваться. Ребята деньги платили, но звать с собой перестали.

После института его распределили в один НИИ, там он познакомился с одной девушкой. Она была очень красива и амбициозна, считала себя москвичкой, хотя родилась и выросла в подмосковном городке Ивантеевке. Узнав, что Борис

родом из Сибири, скривилась, но благосклонно смотрела на его ухаживания и даже согласилась на совместное проживание в съемной квартире. Через два года он защитил кандидатскую, продолжал жить с этой же девушкой, но жениться не предлагал, хотя она намекала на это. Почему? — Не ответил.

Как-то Борис случайно встретил своего земляка, одноклассника, и тот предложил ему поработать в новой фирме, где он был заместителем начальника. Борис с радостью согласился, потому что к тому времени все НИИ просто развалились, и в любую минуту он мог остаться без работы.

Проработав год на фирме, он узнал, что его одноклассник проворачивает не совсем законные сделки, правда, приносящие доход и предприятию.

Борис тут же доложил об этом начальству, в итоге товарищу пришлось уйти, а Бориса поставили на его место.

— Ну и сволочь же ты, Рагозин! — на прощание сказал тот.

— Я правду сказал.

Об этом он как-то рассказал Вике.

— Но как же так? Ведь он тебе помог, неужели надо было сразу бежать начальству докладывать?

— Но ведь я же правду сказал, — ответил Борис.

Да, он действительно всегда говорил правду, но от этой правды тошнило — лучше бы промолчал.

….. Вика огляделась по сторонам — вроде взяла все необ-

ходимое. Взгляд случайно упал на одну безделушку — это был клоун с дурацкой улыбкой.

Она вспомнила, как однажды отец принес ей его и сказал

— Смотри на него почаще и улыбайся.

Действительно помогало. Как же она могла забыть про него? Она взяла его в руки и сразу вспомнила свою жизнь с родными…

Вика родилась в Москве, жили они в центре, в Большом Харитоньевском переулке на Чистых прудах. Квартира была небольшая, но трехкомнатная, а в семье, кроме нее, были еще два брата, Миша и Аркаша. Они были старше ее на семь и пять лет. Старший Миша был музыкант, хороший пианист, закончил консерваторию, был лауреатом многих конкурсов. Аркаша занимался наукой, химией. После окончания института его сразу пригласили на работу в одну фирму, занимавшуюся пищевыми добавками. Зарабатывали братья хорошо, и жили отдельно в собственных купленных квартирах. Женились одновременно, получилось это довольно забавно. Когда Миша сообщил матери, что собирался жениться на девушке, которая поет в хоре, Евгения Марковна схватилась за голову:

— Боже мой! — кричала она Мише. — Жениться на хористке?! Ты бы еще на кордебалетной женился! В консерватории с тобой учились интеллигентные, достойные девушки, так тебе хористка понадобилась!

— Мамуля, — успокаивал ее Миша, — Оксана очень до-

стойная девушка, умница и красавица.

— Так чего же она в хоре поет, твоя умница?!

— Она еще учится.

— А сколько ей лет? — Евгению Марковну охватило подозрение. — Она хоть совершеннолетняя?

— Вполне… как наша Вика.

Мама схватилась за голову:

— Она же еще ребенок, — простонала она.

— Двадцать лет, вполне совершеннолетняя, — он поцеловал маму и, зная, чем ее отвлечь, жалобно сказал. — Мамуля, так есть хочется, я сегодня не обедал.

Мама поморгала, тут же вскочила и помчалась на кухню.

— Ты себе заработаешь язву желудка если не будешь вовремя питаться. А твоя Оксана и готовить, наверное, не умеет, — послышалось уже из кухни.

Миша подмигнул Вике, она фыркнула, оба рассмеялись.

— Она красивая?

— Конечно, — Миша помолчал, — у нее глаза в пол-лица, — помолчал и добавил, — синие.

— Когда познакомишь?

— С мамулей согласую и приведу.

Вечером мама все рассказала папе. Тот, как обычно, отнесся к услышанному спокойно.

— Ну? Что ты молчишь? Разве это нормально?! Взять и с бухты-барахты вдруг жениться неизвестно на ком?! — Бушевала мама.

— Женя, сядь и закрой рот, — тихо сказал отец и пристально посмотрел на маму.

— Ну хорошо, я могу и помолчать, — пробормотала она и села напротив.

— Сколько тебе было лет, когда мы поженились?

Мама заерзала:

— Ну, девятнадцать.

— Вот видишь, — резонно заметил папа, — еще моложе. А я в то время был нищим студентом. А наш Миша вполне самостоятельный человек, собственная квартира, хорошо зарабатывает.

— Надо еще посмотреть, что эта Оксана из себя представляет, — пробормотала мама. — Может, она приезжая и охотится за московскими женихами.

— Такое тоже возможно, — неожиданно согласился папа, — но сначала нужно с ней познакомиться, а потом уже судить. Консенсус? — закончил разговор любимым словом.

Мама вздохнула и кивнула в ответ.

Через два дня, в субботу, был накрыт стол для семейного обеда, все с нетерпением ждали Мишину девушку.

— А куда вдруг Аркаша исчез? — поинтересовалась мама. — Он же только что был здесь. Что за манера? Никогда не предупредит. Ведь договорились, что все будем дома.

— Да куда он мог подеваться? Наверное, за сигаретами побежал, — успокоил папа.

Раздался звонок в дверь.

— Пришли, — подскочила мама. И, показав Вике жестом сидеть, сама пошла в коридор. На секунду остановилась перед зеркалом, приняла гордую осанку и медленно поплыла к двери. Папа головой кивнул в ее сторону и подмигнул, Вика засмеялась, не выдержала и тоже выглянула в коридор. Дверь открылась …

На пороге стоял Аркаша с высокой девушкой, даже показалось, выше него. В руках у нее были цветы, она улыбнулась, протянула цветы маме и представилась:

— Рита.

— Евгения Марковна, — пробормотала мама и испепелила Аркашу взглядом.

Впрочем, испепеляющий взгляд пропал понапрасну, потому что брат не посмотрел в ее сторону, а быстро провел Риту в комнату, знакомить с отцом.

Мама растерянно посмотрела на Вику.

— Что это было?

Вика пожала плечами, взяла цветы и понесла в комнату.

— Леонид Михайлович, — услышала Вика, как папа представляется Рите.

— Викуся, пойдем на кухню, мне надо помочь.

— Нет, ты посмотри, что делается! — громко шептала ей на кухне. — Зачем он приволок какую-то девицу в такой день?! Даже не предупредил! Какая-то Рита! Поставь еще прибор…. Ну надо же… В такой день… И что это за Рита такая?

— Симпатичная, — ответила Вика и понесла прибор в комнату.

Опять раздался звонок в дверь.

На этот раз дверь открыла Вика. Миша подталкивал вперед смущавшуюся девушку, тоже с цветами в руках.

— Здравствуйте. Вы Вика? — она улыбнулась и протянула цветы.

— Здравствуйте, — Вика улыбнулась в ответ. — Давай на ты, хорошо? А цветы — маме. Мама! Миша пришел!

Евгения Марковна не заставила себя ждать.

— Оксана, — представилась девушка и опять улыбнулась.

«Милая какая и улыбка хорошая» — отметила Евгения Марковна. — Ну проходите в комнату, познакомь Оксану с отцом. Да, там Аркаша зачем-то сегодня привел свою знакомую.

— Кого? — Миша с удивлением поднял брови.

— Какую-то Риту. Ты знаешь ее? — с подозрением уставилась на сына, заметив усмешку на лице.

Тот неопределенно что-то промычал и повел Оксану в комнату.

— Ну, как тебе? — Не выдержала Вика.

— Не уродина, и то спасибо.

— А, по-моему, очень хорошенькая. И вообще…

— Вика, пойдем уже в комнату, пора обедать.

За столом сначала чувствовалась неловкость, но потом

Аркаша задал вопрос, который, как он знал, понравится родителям.

— Пап, а расскажи, как вы с мамой познакомились.

Мама сразу же заулыбалась, а Леонид Михайлович, глядя на жену, живо откликнулся.

— Не мог я пройти мимо такой красавицы. Увидел, и все…пропал!

— Ну расскажи, пап, — поддержала Вика, хотя слышала эту историю много раз.

— Я жил тогда в коммуналке на Сретенке, учился в институте на четвертом курсе. Для курсовой надо было найти один материал в библиотеке рядом с Третьяковкой, ну и после библиотеки, сам не знаю зачем, не такой уж я любитель живописи, пошел в Третьяковку, какая-то там выставка была. Ходил по залам, пока не увидел ее, — он показал головой на маму. — Она стояла перед «Незнакомкой», а меня поразило сходство, было у них общее выражение лица — эдакое немного презрительно-высокомерное и в то же время очень нежное и чувствительное. Я не мог не подойти.

— Конечно, — подхватила мама, — нахально подошел и спросил — Можно с вами познакомиться?

— А ты?

— А я…

— А она, — перебил ее папа, — состроила пренебрежительную мину. И тогда я заметил, что она вылитая «Незнакомка». Ей это, видимо, польстило, и тогда ваша мама соиз-

волила назвать свое имя.

— А потом?

— А потом мы поехали на Чистые пруды. Гуляли там, рассказывали о себе, кто чем занимается, какие планы на будущее. В общем, болтали пока не стемнело. Женечка вдруг спохватилась, что дома будут волноваться, оставила свой телефон и убежала, не позволив проводить… Ну, вот так и стали встречаться, потом она привела меня знакомить с родителями, вот так, как Миша…

— И Аркаша, — добавил Аркаша и невозмутимо откусил кусок пирога.

Мамуля захлопала глазами, Вика с отцом тоже непонимающе уставились на него и Риту, которая, кстати, совсем не смутилась от наших взглядов.

— Что-то я не поняла, — откашлялась мама, — При чем здесь ты?

— Папа рассказывал, как пришел знакомиться с твоими родителями, — начал Аркаша.

— Ну да, — кивнула мама.

— Вот и я привел Риту познакомиться с вами. Мы решили пожениться.

— Вы?! Так это ты женишься?! — Она минуту переваривала услышанное, потом спохватилась. — А Миша, значит, не женится?

— Почему? — вскинулся тот. — Мы с Оксаной тоже решили пожениться.

— Подождите! — мама замахала руками. — Вы что, оба женитесь?

— Ну да.

— Леня, ты слышал? Они оба решили пожениться. — Она замолчала и смотрела на папу, ожидая от него ответа и поддержки. Тот помолчал немного и сказал;

— Так это хорошо, Женечка, сыграем одну свадьбу, представляешь, какая экономия?

Мама только фыркнула, а папа, пристально посмотрев на меня, спросил;

— А ты, цыпленок, не собираешься нас ни с кем знакомить?

— Собираюсь, — тихо проблеяла я, а мама схватилась с опозданием за сердце.

— Леня, мне плохо.

Впервые я видела папу растерянным.

— Как же так, Викуся? Ведь тебе еще только двадцать?

— Оксана, между прочим, моя ровесница.

Почему-то эта новость не вызвала радости и у моих братьев. Все молчали.

— А как же пение? — нарушил тишину Миша. — И кто он такой? Он музыкант?

Вика покачала головой.

— Он учится или работает?

— Работает.

— Сколько ему лет?

— Тридцать.

Аркаша присвистнул, и опять все замолчали.

— Но ты даже ничего не рассказывала о нем.

И сразу же посыпались вопросы:

— Кто он?

— Чем занимается?

— Он москвич?

— Теперь уже москвич, — ответила Вика.

— Что значит теперь?! Откуда он? — Мамин тон не предвещал ничего хорошего. Было ясно, что она уже заранее предубеждена против него.

— Как его зовут? — пришел на помощь папа, видя, что Вика готова заплакать.

— Борис.

— И давно вы встречаетесь?

— Полгода.

— Но… — начала Евгения Марковна, но Леонид Михайлович ее прервал

— Давай после. Сейчас обсудим женитьбу ребят, а с Викой потом поговорим.

От этих слов у Вики неприятно заныло «под ложечкой». Значит, не получится так легко, как у братьев. Придется отвечать на вопросы. А их будет немало, в этом она не сомневалась.

Настроение у присутствующих изменилось, братья бросали на Вику негодующие взгляды, она храбрилась и старалась

быть спокойной.

— Ну что ж, — Леонид Михайлович понял состояние дочери и, как всегда, пришел ей на помощь. — Давайте поговорим о свадьбе. Женечка, ты у нас специалист по этим вопросам.

— Я?!

— Ну как же? Ведь надо выбирать платья, решить, где делать свадьбу. Или две свадьбы?

— Конечно, — подала голос Рита, — хотелось бы отдельно. Знаете, такой день…

— Нет, — решительно возразил Аркаша, — делаем одну свадьбу.

— Ну, хорошо, — вяло согласилась Рита.

Оксана только согласно кивала, а Миша, естественно, поддержал брата.

Оказалось, что они уже наметили загородный ресторан, расписываться будут в Москве, а потом красочная церемония за городом.

— А платья уже присмотрели? — Евгении Марковне хотелось, чтобы хоть в этом вопросе у нее попросили совета.

— Да, — Ответила Рита тоном, не допускающим возражений.

— А ты? — С надеждой обратилась ко второй девушке мать.

— А я с удовольствием приму вашу помощь, — улыбнулась Оксана, и Евгения Марковна растаяла, — тем более, что

мне здесь и посоветоваться не с кем.

— Ты не москвичка? — сразу насторожилась мать.

— Нет, я приехала из Петербурга.

— А, ну хоть так. — Она перевела взгляд на Риту. — А ты, Рита?

— Я коренная москвичка. — После небольшой паузы неожиданно заявила: — Да, хочу сразу предупредить, что для гостей будет дресс-код.

— Как это? — растерялась Евгения Марковна.

— Очень просто. Сейчас это везде принято. Мы предлагаем гостям гамму оттенков определенного цвета. Я выбрала бежевый. Кстати, это относится и к вам.

— Но мне совсем не идет бежевый цвет, — возразила Евгения Марковна, — он вообще мало кому идет.

Рита согласно кивнула.

— Значит, невесты будут одни красавицы на своем празднике, как и должно быть.

Как-то остальных покоробило от этих слов, но спорить не стали.

— Я думаю, — продолжала Рита по-деловому, — приглашения разослать как можно быстрее, чтобы у гостей было время подготовиться.

— Прости, — вмешался Леонид Михайлович, — мужчин тоже касается дресс-код?

— Конечно. Это будет темно-синий цвет.

— А если у наших друзей не будет возможности приобре-

сти себе одежду подходящего цвета, они не смогут прийти?

— Это их проблема.

Родители переглянулись и посмотрели на Аркашу.

— Глупости! — Он строго посмотрел на Риту. — Пусть приходят в чем хотят!

— Аркаша, мы же говорили на эту тему.

— Говорили, и я высказал свое мнение!

— Хорошо, — согласилась Рита, хотя никакого согласия не чувствовалось в голосе, — мы еще поговорим об этом.

После их ухода родители еще долго обсуждали эту тему. Вика молча помогала убирать со стола, надеясь, что про нее забудут.

— Ну и штучка эта Рита! Это надо же придумать — дресс-код!! А Аркашка тоже хорош! Смотрит ей в рот и помалкивает!

— Ну не так уж и помалкивает, — вставил Леонид Михайлович.

Мать только махнула рукой.

— Да брось! И так видно, что будет так, как она сказала! Тоже мне, графиня нашлась! А ведь мы толком и не узнали про ее семью. Сказала, что есть еще сестра, что родители живут на Юго-Западе. Все!! Осторожнее, Вика! Не бери так много, разобьешь!

Она встретилась глазами с дочкой и сразу вспомнила:

— Еще и ты! Тихушница! Сюрприз решила преподнести! А ну, рассказывай, что это за Борис, где вы познакомились

и вообще!

— Мамуль, — жалобно пропищала Вика, — давай завтра. Сегодня все устали, а завтра я все тебе расскажу. Кстати, а Оксана совсем другая, она — своя. Правда?

— Да, — откликнулась мама, — сразу видно — девочка хорошая, хоть и молоденькая очень. Ну, дай им бог…

На следующий день отвертеться от разговора не удалось.

Мать вошла к ней в комнату и уселась в кресло, показав Вике на кровать.

— Ну?

— Что ну?

— Вика, не придуривайся! Рассказывай! Где вы познакомились?

— У Гали на даче.

— Это их знакомый?

— Нет, он приехал в гости к ее соседям, а ее родители жарили шашлыки, ну и пригласили всех к себе.

— Кто он? Чем занимается?

— Он чиновник, работает в управе на западе Москвы.

— Что?! Чиновник? — Евгения Марковна немного помолчала. — А какое у него образование?

— Он кандидат технических наук.

— Это уже обнадеживает. Откуда он родом?

— Из Сибири. Он закончил Московский институт, учился в аспирантуре и работал на одном предприятии.

— У него есть квартира?

— Да, — тихо ответила Вика и опустила глаза, предполагая вопрос.

— Какая?

— Трехкомнатная, — пролепетала Вика.

— И ты, конечно, там была?

— Мамуля! Я совершеннолетняя! — Она с вызовом посмотрела на мать — И я там была!

— Это значит, что ты с ним спала, — констатировала мать. — Ты не подумай, я не осуждаю. Сейчас все так поступают, но, когда это касается своей дочери…

Как-то мне трудно это… Ладно, Викусь, ты мне скажи, ты любишь его?

— Ну да, — быстро ответила Вика, хотя внутри было полное смятение, она и сама не могла понять своих чувств к Борису. Решительно мотнула головой:

— Конечно, люблю.

— Хорошо, доченька, — вздохнула мама, — люби на здоровье, только не торопи события.

— Я не тороплю, но он… Боря хочет скорее пожениться, говорит, что это некрасиво так встречаться, надо, чтобы все было законно.

— Ну что ж, разумно, но он забывает, сколько тебе лет. Сейчас уже не то время, так рано замуж никто не выходит. Тебе учиться надо, у тебя же голос. Только начала учиться.

— Но я не собираюсь бросать консерваторию!

— А он слышал, как ты поешь?

Вика кивнула.

— Что сказал? Понравилось?

— Конечно. — А сама вспомнила этот вечер, как она пела ему, а он ничего, буквально ничего не сказал — ни хорошо, ни плохо. Вика очень расстроилась тогда, но виду не показала.

А голос у нее был замечательный — лирико-колоратурное сопрано. Преподаватели хвалили, восхищались, как легко и свободно она преодолевает любые технические сложности в верхней тесситуре. А вот Борис никак не оценил.

— Викуся, нам надо познакомиться. Пригласи его в гости.

— Мам, только не надо никаких застолий, просто посидим, выпьем кофе или чай.

— Ладно, посоветуюсь с папой, как лучше.

Разговор получился неожиданно легким, но на душе почему-то было тяжело. Что-то не так было в их отношениях с Борисом, Вика не могла понять, что именно. Это был ее первый серьезный роман, а так как Боря был намного ее старше, а она была совсем неопытной в таких отношениях, то полностью доверяла ему. Если Боря говорит так, значит, так правильно, и потом, очень не хотелось выглядеть полной дурой.

***

Началась предсвадебная суета, Евгения Марковна впервые после ухода на пенсию обрадовалась свободному времени. С утра встречались с Оксаной и пропадали на весь день, иногда брали с собой и Вику. Она тоже присматривала пла-

тье для себя, хотя Боря был категорически против помпезных церемоний, сказал, что все должно быть скромно, но на уровне. Из гостей — самые близкие родственники, а с его стороны несколько коллег по работе. Стол в обычном ресторане без музыки, шума и дурацких тостов.

— Тогда я сказала, — делилась с мужем Евгения Марковна, — что в столичных кругах так не принято, он сразу на все согласился.

— А я и не знал, что ты вращаешься в «столичных кругах», — засмеялся Леонид Михайлович.

— Я поняла, что он боится прослыть провинциалом и нарочно это ввернула. Кажется, это у него больная тема, своего рода комплекс. А когда я заговорила, что надо пригласить его родных, он даже передернулся, ответил, что это ни к чему, тут я не стала настаивать. — Она замолчала, а потом добавила с тяжелым вздохом:

— Боюсь я за Викуську, Леня. Какой-то он не такой этот Борис…

— Что не так?

— Не могу объяснить, просто чувствую, что тяжелый он человек.

— А Вика?

— А что Вика? Дурочка наша Вика, хоть и взрослая. Знаешь, я не уверена, что она в него влюблена.

— Как?!

— Она увлечена, а это две большие разницы. Ей интерес-

но с ним, он, безусловно, эрудированный человек, интересный рассказчик, но…

— Но что? Что не так?

— Мне кажется, в семейной жизни он очень эгоистичный и скучный, зануда, одним словом.

— Может попробовать мне поговорить с Викуськой?

— Попробуй, Леня, но, думаю, уже бесполезно.

Вечером следующего дня Леонид Михайлович не лег, как обычно, спать, а дождался Вику, которая, как решили в семье, до свадьбы не переехала к Борису, но ездила к нему почти каждый день.

— Папочка, ты что не спишь? — удивилась Вика.

— Тебя ждал.

— Меня? Мама что-то там напридумывала и тебя накрутила да?

— Нет, не мама, хотя у нее тоже сомнения есть. Идем на кухню, там поговорим или в гостиную?

— На кухне лучше, заодно чаю выпьем.

Вика включила чайник, достала его любимое варенье из крыжовника и уселась напротив отца. Она любила делиться с ним своими секретами, именно с ним, а не с матерью. Вике казалось, что отец ее лучше понимает и всегда даст ценный совет и поддержит ее, но сегодня ей совсем не хотелось говорить с ним, потому что догадывалась, о чем пойдет речь. Не дожидаясь вопросов, начала сама.

— Ты о Борисе хотел поговорить.

Леонид Михайлович вздохнул.

— Что мне о нем говорить? Я хочу услышать тебя. Он вполне достойный человек, интересный мужчина, в такого можно влюбиться, но…

— Но?

— Викусь, а ты уверена, что его любишь?

Вика опустила глаза и задумалась.

— Думаю, да, — после небольшой паузы ответила она.

— А может, подождать со свадьбой? Чего вам торопиться?

В душе Вика согласна была с отцом, было тревожно, что-то в отношениях настораживало и было не так. Она и сама иногда сомневалась, что любит его, но и сама же себя уговаривала, что это не так, что, конечно, она его любит, и он ее любит, он хороший, умный, правда, немного скучный, но не всегда же веселиться…

— Нет, пап, мы не можем ждать. Борису предлагают длительную командировку на Кубу.

— Надолго?

— На год.

— Ну что ж, тогда, конечно.

Леонид Михайлович замолчал, а Вика подумала, вот если бы он еще поговорил, она бы высказала свои сомнения, и папа сразу бы всему дал объяснение, все расставил по местам, и стало бы все легко и просто…

… Вика встряхнула головой и опять посмотрела в окно

— дождь не прекратился. Ну и пусть! Черт с ним, с дождем! Она подняла сумку, взвесила на руке — нести можно. С тоской еще раз посмотрела на статуэтки и подавила вздох. Ну куда брать? Неизвестно, где сама будет. Первое время поживет у Насти, а потом? Но статуэтки — это память… Родители…

Ну почему это случилось именно с ее родителями?! Когда она читала о происшествиях, о ДТП, о несчастных случаях, конечно сочувствовала, но и представить не могла, что такое произойдет в ее семье…

… Свадьба у братьев получилась очень веселая, была красивая церемония на природе, совершенно изумительное место — живописные пруды, мостки, соединяющие островки и ресторан, как старинный замок.

Невесты, конечно, красавицы, но и братья тоже не подкачали — рослые, широкоплечие, кудрявые.

Через три месяца была свадьба у Вики, не такая веселая и красивая, как у братьев, но все выглядело, как выразился Борис, «вполне достойно». Вскоре после свадьбы они уехали на Кубу, пришлось бросить консерваторию, учителя уговаривали, все твердили, что у нее необыкновенный голос, нельзя бросать занятия. Муж сказал, что через год они вернутся и она восстановится. Однако, этого не произошло… Почти сразу после их возвращения случилось это несчастье… Господи! Но почему? За что? Вика вытерла слезы — прошло уже четыре года после той аварии, но как забыть? Она пом-

нила, как ей позвонил Аркаша и чужим голосом сказал, что родители попали в аварию. Вика все никак не могла понять, что их больше нет, Она все допытывалась, в какой они больнице… А потом похороны, поминки… И в этот день братья ей сказали, что хотят уехать.

— Мы уезжаем насовсем, — сказал Миша.

— Куда уезжаете? — не поняла Вика.

— Мы с Оксаной едем в Израиль, мне предлагают выгодный контракт, а Аркашка с Ритой летят в США. Ты же знаешь, какая у Аркашки голова, — Вика кивнула, — ну вот, ему там лабораторию предлагают и все такое.

— Брось Мишка, — отмахнулся Аркадий, — Викусь, если бы ты была свободна, поехала бы с нами, но теперь ты замужем — не одна остаешься.

Подошла Рита и по-деловому поинтересовалась:

— Аркаш, ты сказал насчет квартиры?

— Да, Викусь, мы с Мишкой подумали, все равно ты живешь у мужа, а мы уезжаем, давай продадим квартиру, а деньги поделим. Ты не против?

Вика с трудом сглотнула ком, появившийся в горле, почему-то стало очень обидно, но заставила себя не заплакать и согласиться.

Продажей квартиры занялась Рита, оказывается, у нее уже были покупатели на эту квартиру, какие-то знакомые. Продали выгодно, все-таки квартира в центре, деньги поделили и каждый забрал себе что-то ценное на память. Вика взяла

статуэтки…

Куда их теперь? Но оставлять Борису тоже не хотела. Деньги, вырученные за квартиру, Борис предложил добавить за коттедж, и Вика, конечно, согласилась, хотя понимала, что и без ее денег у Бориса хватало средств на покупку дома. Уже тогда она сомневалась, что сможет с ним жить. На Кубе полностью проявился его эгоизм и жестокость. Он напрочь был лишен чувства сострадания и простого сочувствия. Делать надо было только так, как сказал он, иначе быть не могло, иначе — скандал. На Вику вообще в семье никогда не кричали, ни родители, ни братья, а тут по малейшему поводу — крик. Не в той чашке подала чай — крик, неплотно закрыта дверца шкафа — опять крик. — Неряха! Эгоистка! Бездельница! — вот ежедневный набор слов. А вечером, когда она уже спала, он грубо будил ее со словами — Раздвинь ноги — … И все… Никакой прелюдии, ни поцелуев, ни ласки — кошмар! Желание с ним спать пропало, отговариваться больной головой не получалось — Борис этого не понимал. Он хочет, значит все. И Вика покорно раздвигала ноги и плакала при этом. Он очень спокойно относился к ее слезам. — Хватит уже дурью маяться! Напридумывала себе что-то! Это тебе не песенки твои дурацкие петь — это жизнь! И хватит корчить из себя маленькую девочку! Взрослая баба, так и веди себя по-взрослому!

Иногда, совсем редко, были моменты, когда он становился нежным, но это случалось крайне редко, в основном по-

сле приличного застолья. Она заметила, что от водки он становится мягче. А если в этот вечер она пользовалась успехом, особенно, если пела, он вообще как-то добрел, и Вике даже казалось, что он ее любит. Она терпела эти отношения, сколько могла, но вчерашний день — это последняя капля!

Пожалуй, даже Насте, самому близкому человеку, она не сможет признаться в том, что ее ударили… изнасиловали…

Но как она собирается жить? Где и на что? Не может же она всю оставшуюся жизнь прожить у Насти с Гришкой! Профессии нет, денег тоже. Что она умеет? Принимать гостей и наряжаться. Когда-то она готовила и убиралась, но с новой должностью Бориса перебрались в коттедж, тогда появились повариха и горничные, садовник, какие-то рабочие, а теперь еще водители и охранники. Внезапно мелькнула мысль — что она делает?! Нельзя так! Потом пожалеет… Тут же упрямо покачала головой — нет, не пожалеет!

Она посмотрела на часы — сейчас Настя подъедет, надо предупредить охрану, чтобы пропустили. Конечно, доложат Борису, кто приезжал. Да теперь уж все равно!

— Ты что?! — с порога начала подруга, увидев одну сумку. — А где остальные вещи?!

— Я решила взять только самое необходимое.

— Ну-ка, — отодвинув Вику, Настя прошла к гардеробной. — А шубы зачем оставляешь? Мы что, в Африке живем? А сапоги, туфли… Я сейчас вернусь.

Вика не успела возразить, а Настя уже вылетела за дверь и через несколько минут вернулась с большой клетчатой сумкой, с которыми раньше ездили челночницы.

— Вик, а прислуги нет?

— Я на сегодня всех отпустила.

— А этот когда возвращается?

— Через неделю.

— Ну и отлично! — и тут же переключилась на клетчатое чудище. — Смотри, какая классная сумка, не сумка, а клад!! Слона можно запихнуть! Хорошо, что не выложила из машины. Давай сюда складывать — все влезет!

— Я не хочу, — возразила Вика, — это все куплено на его деньги.

— Да?! А кто за ним ухаживал все это время?

Вика слушала ее и невольно улыбалась.

— Что ты лыбишься, балда? Давай, собери хоть что-нибудь.

— Да ну, — отмахнулась Вика, — не хочу я ничего брать. Противно.

— Если противно, отвернись, я сама соберу.

— Ладно, тогда я статуэтки мамины возьму.

— Статуэтки лучше в коробку.

— Коробки… — наморщилась Вика, — кажется, в гараже видела. Сейчас притащу.

— Подожди, — остановила Настя, — а машина?

— Он ключи спрятал, — Вика опустила глаза и выбежала

за дверь.

Она принесла три больших коробки и стала укладывать статуэтки, бережно обертывая их бумагой. С каждой была связана отдельная история…

Вот эту балерину мама купила себе на день рождения, а папа вечером принес тоже балерину, правда другую в ажурной пачке. Мама ахала от восторга и без конца благодарила отца.

— Женечка, ты так меня благодаришь, как будто я тебе мерседес подарил.

— Не надо мне никаких мерседесов, я люблю вот эти безделушки. Ведь это настоящие произведения искусства. Красота!

Для статуэток была куплена угловая витрина, и мама без конца переставляла свои статуэтки и любовалась ими.

А вот этого ангелочка Аркаша привез из Италии, а вот эту девочку подарил Миша на первую стипендию…

— Вроде все, — услышала Настин голос, — посмотри сама, может, что забыла.

Самое главное — паспорт. Он не спрятал его, надеюсь?

Вика покачала головой.

— Паспорт взяла, — она усмехнулась — Начинаю жизнь с чистого листа.

— Может, стоит написать записку? — неуверенно предложила Настя.

— Хорошо, — послушно кивнула Вика и присела за ком-

пьютерный стол, и через несколько минут уже стояла рядом с Настей.

— Все! Я готова! Пойдем скорее отсюда.

У двери Вика огляделась, как бы прощаясь, повесила ключи в ключницу и решительно шагнула за порог. Хлопнула дверь… Ну вот и все!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.